

Все к лучшему!

18+

Фадеева Татьяна Константиновна

Татьяна Фадеева

Все к лучшему!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фадеева Т. К.

Все к лучшему! / Т. К. Фадеева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Еще совсем недавно успешная в личной жизни и карьере журналистка, генеральный директор крупного издательского дома неожиданно узнает о страшном диагнозе, поставленном ей. Перед глазами пробегают все предыдущая, как оказалось прекрасная и счастливая жизнь, теперь она разделена на «до» и «после» болезни. Мелкими и незначительными кажутся ей все прежние переживания, сомнения, достижения. В страдании героиня обретает мудрость и находит силы справиться со всеми невзгодами, обрушившимися на нее, и начать новый, не менее интересный этап жизни.

«Придет время и жизнь покажет, что все, что ни случается – к лучшему»

Народная мудрость

«Все всегда заканчивается хорошо, если закончилось плохо,

значит это еще не конец»

Пауло Коэльо

Любое сходство с реальными событиями и людьми в этой повести – случайность.

Утро

Вита вышла из подъезда, оглушительно бахнув дверью. Таким резким звук бывает только при сильном морозе. На секунду замерла, ослепнув от света утреннего холодного оранжевого солнца. Вдохнула колючий глоток свежего морозного утра. Мириады снежных искорок весело сияли повсюду, как крохотные бриллиантики. Ну да, бриллиантики, а что еще?

Снег радостно заскрипел под ногами, старательно поддерживая хорошее настроение. В голове зазвучала «Зима» – «Декабрь» из «Времен года» Вивальди. Там прелюдия начинается с мелодии, изображающей скрип снега в трескучий мороз.

День намечался суетный. До Новогодних праздников оставалось всего три дня. Предстояло завершить кучу важных дел, сделать несколько звонков, пересечься с нужными людьми. Но сначала надо было забежать к врачу городской больницы, где проходила обследование. Вита решила поблагодарить доктора за напрасно потраченное время, обсудить возможные рекомендации и расстаться навсегда. В супермаркете долго выбирала коньяк, шампанское, купила небольшой новогодний презент.

Почему врачам всегда покупают коньяк или конфеты в коробках? Большинство людей считает самым подходящим выражением благодарности по отношению к доктору подарок в виде коробки конфет или бутылки коньяка. А в роддом тащат шампанское, цветы и торты. Благодарным пациентам хочется не только сказать спасибо, но и выразить признательность, что называется, предметно.

И не взятка это. Взятку дают перед решением вопроса, а здесь после, когда уже все закончится. И не коррупция. Коррупция – это злоупотребление служебным положением для личной выгоды. А какая же тут личная выгода? Благодарность от души вот что это такое.

Наверное, надоели эти коробки конфет врачам? Фантазии нет! Все их только и дарят, как будто стоворились докторам диабет насрать. Как будто врачи после операции или приема только и делают, что пьют коньяк и закусывают конфетами. С другой стороны, не всё же им носить анализы? Колбаса или рыба как-то не очень смотрится в подарок, даже хорошая.

Кстати вспомнилось. На двери кабинета хирурга висело небольшое объявление: «Цветы и конфеты не пью». Подпись – хирург.

В больнице Вита провела всего пять дней, но удручающих впечатлений набралось немало. Нищета тарасилась из каждой щели в потолке, стенах, полу. Больные с сизыми от холода лицами лежали на продавленных койках с рваными, застиранными простынями, жаловались на нехватку бесплатных медикаментов, покупая необходимые лекарства в аптечном киоске на первом этаже. Даже непрофессионалу было понятно, что кабинеты оснащены морально и физически устаревшим оборудованием. Ветер гулял по коридорам. Стук молотков, перемежался со звуком сверлящей дрели. Видимо, благодаря появлению первых платных услуг, в больнице начался ремонт в палатах на верхних этажах.

Во времена СССР, когда вся медицина была бесплатной, многие ратовали за платное медицинское обслуживание, думая, что если его будут оплачивать сами больные, к ним будет больше внимания, эффективнее станет лечение, тщательнее обследования, но оказалось, все не так просто.

Некоторые пациенты придерживаются мнения, что лучше отблагодарить врача лично в бесплатной клинике, чем идти в платную, потому что в платных, в первую очередь заглядывают к тебе в кошелек. Ни для кого не секрет, что платные клиники ориентированы на то, чтобы «раскрутить» пациента на как можно большие траты, для чего могут поставить лишние диагнозы, прописать не нужные процедуры и обследования, проверить необходимость которых практически невозможно.

Другие же считают, что в платных клиниках врачи квалифицированнее и внимательнее. Плохих специалистов в платных клиниках держать никто не станет. У врача с низкой квалификацией не будет пациентов, соответственно у клиники не будет прибыли.

В бесплатных больницах и поликлиниках без компьютеров доктора больше времени тратят на заполнение карточек, чем на приём больных.

В платных клиниках врачи зарабатывают достаточно, чтобы оплатить курсы повышения квалификации. А хорошему медику жизненно необходимо регулярно повышать профессиональный уровень, потому что медицина не стоит на месте. И еще в платных клиниках человеческие условия и вежливое отношение к пациентам. Возле кабинетов стоят удобные кресла, диванчики, в коридорах кулеры с водой, кондиционеры. Больному не надо стоять в очередях. Номерки расписаны не по пять минут на пациента. У платных клиник есть средства приобретать современное дорогостоящее медицинское оборудование, качественные материалы и медикаменты. В платных клиниках у врача есть возможность применить современные знания и умения, в отличие от бесплатных медицинских учреждений.

Вот только пациентов, которые могут оплатить медицинские услуги в полном объеме пока гораздо меньше, чем малоимущих граждан, для которых просто необходимо сохранить бесплатную медицинскую помощь.

Диагноз

Доктор ждал ее в кабинете один. Похоже, к разговору готовился. Виту насторожило промелькнувшее на его лице выражение то ли сожаления, то ли сочувствия.

«Не свидание ли хочет назначить?», – с улыбкой подумала Вита.

За время обследования между Александром Петровичем и Витой установился хороший психологический контакт. Даже слегка флиртовали. На приемах успевали обсудить многие житейские темы.

Недавние публикации в городской прессе были посвящены медицинской тематике. В Петровске разгорелся скандал. Некоторые городские медицинские учреждения подали иск в Арбитражный суд на министерство здравоохранения и социального развития республики. Поводом послужило – недовольство тарифами, по которым Фонд обязательного медицинского страхования оплачивает работу сотрудников больниц и поликлиник. По этим тарифам работа городских медиков оценивалась значительно ниже, по сравнению с коллегами из республиканских медицинских учреждений. Как рассказывали сами медики, конечно, несколько утрируя ситуацию, мотивировалось это тем, что республиканская больница занимается еще и научными разработками, ведет исследовательскую работу, а городская, скорой медицинской помощи в основном подбирает на улице бомжей и лечит скучающих старух. Вопиющая несправедливость таких суждений естественно возмущала обиженную сторону.

Вита работала в крупном издательском доме, выпускающем единственную в республике ежедневную общественно-политическую газету и организовала «Прямую линию» с министром здравоохранения, чтобы Александр Петрович и его коллеги могли получить ответы на свои вопросы из первых рук.

В итоге все недоразумения и недопонимания были разрешены. Высокие договаривающиеся стороны пришли к взаимопониманию. Скорее всего, противостояние закончилось бы миром и без вмешательства Виты, но ей было приятно хоть чем-то быть полезной Александру Петровичу.

Взаимный интерес, некое эмоциональное созвучие между доктором и пациенткой однозначно присутствовали. Вита даже навела справки и выяснила, что доктор вдовец, несколько лет живет один, взрослый сын женат, навещает отца не часто.

У женщин так часто бывает, он только сказал: «Привет!», а она за минуту успела мысленно полюбить, выйти замуж, родить троих детей, разлюбить и развестись с ним.

Кстати о выражении лица. Хорошее у доктора было лицо. Не Ален Делон, конечно, но мужик с характером, это было сразу видно. Хотя еще при первой встрече Вита подумала: «Явно не из потомственных интеллигентов».

Сам доктор рассказывал, что начинал работать в этом же отделении больницы санитаром, по вечерам мыл полы, днем учился в университете на медицинском факультете.

Отогнала смутное беспокойство, поздоровалась, присела на краешек жесткого, выкрашенного белой краской стула.

После небольшого лирического отступления Александр Петрович перешел к главному: «Гистологическое исследование показало, что присутствуют атипичные клетки, слишком быстро размножающиеся. Эти клетки в процессе отбора на выживание внутри организма получают преимущество перед нормальными клетками, поскольку обладают сниженными требованиями к ростовым факторам в окружающей среде и устойчивостью к неблагоприятным условиям. В отличие от нормальных клеток, они не могут выполнять полезные для организма

функции, не вступают в прочные контакты друг с другом и с окружающими нормальными клетками и только размножаются».

«Что такое? Что он говорит?» – мысленно встревожилась Вита.

«У вас tumor – это по латыни. А по-русски рак. Рак сигмы. Есть такая кишка в пищеварительном тракте, по форме напоминающая латинскую букву», – мягко продолжил доктор.

«Чтооооооооо? Нееееет! Не может быть! Этого не может быть!!!», – остолбенев внешне, про себя заорала она.

«Таким образом, эти клетки ведут себя «ассоциально». В масштабе организма это то же самое, что неразумные молодые матери, беременеющие и рожаящие детей в четырнадцать-пятнадцать лет вместо того, чтобы расти самим и давать здоровое потомство, повзрослев, окрепнув, набравшись ума – разума», – образно, видимо для большей доступности, добавил Александр Петрович.

Сказать, что известие ошеломило Виту – ничего не сказать. Она помертвела. Не могла дышать. Горло перекрыл возникший вдруг твердый ком. Подступившие слезы мешали говорить. По лицу пробежала произвольная волна. Вита отвернулась, часто задыхалась. С трудом справилась с желанием заорать вслух от бессилия перед бедой.

Взяла себя в руки в буквальном смысле, крепко накрепко обхватив предплечья руками крест – накрест. Не зарыдать и не закричать, почему – она, почему это произошло именно с ней, удалось только благодаря... не знала, чему благодаря. Не осознала, наверное, еще до конца всю глубину свалившегося на нее горя. Да и грузить своими проблемами усталого доктора было совестно. В груди, там, где, как предполагала Вита, находится вместилище души, неведомая сила крепко сжала ее душу в кулак.

В голове беспорядочно завертелось: «Как быть? Что делать? Что предпринять?».

«Обращаться к целителям, знахарям, экстрасенсам бесполезно, поможет только оперативное вмешательство. Время еще есть, но тратить его понапрасну не стоит», – как будто прочитав ее мысли, сказал мудрый доктор.

Не попрощавшись, Вита вышла из кабинета. Еще почти полтора часа пришлось ждать в коридоре документы, их не успела подготовить нерасторопная медсестра из приемного покоя. К Вите подсел тощий мужичонка с внешностью испитого интеллигента. Вита почему-то подумала, что он непризнанный поэт. Долго возмущенно объяснял что-то, на что-то жаловался. Вита слышала только голос, смысл слов до сознания не доходил. Сидела в оцепенении, как истукан, безучастно глядя перед собой. Мимо проходили люди, обсуждая какие-то очень важные проблемы, никому до нее не было дела. Захлестнуло острое чувство одиночества. Как будто между нею и всеми остальными людьми выросла невидимая стена. Ты их видишь, они тебя тоже, но ты не с ними, а отдельно, сама по себе.

Машинально взяла документы. Вышла на улицу, не замечая уже ни снега, ни солнца, побрела на ставших ватными ногах в сторону дома. По дороге по мобильному телефону отменила все встречи и переговоры. Зашла в магазин, купила бутылку «Мартини». Вообще-то она была человеком непьющим, изредка по случаю могла выпить бокал – два шампанского или

сухого красного вина. Не пьянства ради, а здоровья для. Но видимо напиться и забыться когда пришла большая беда – стереотип поведения русского человека.

В тишине квартиры громко «такали» часы. Так...так...так..., как будто равнодушно подтверждали: все что с ней только что произошло – чистая правда, все именно так!

«Только бы никто не пришел», – Вита хотела побыть одна.

Не могла сейчас никого видеть.

Делиться с кем-то своими переживаниями была не готова.

И раньше, если происходило нечто из ряда вон выходящее, ей требовалось время «переварить», обдумать, привыкнуть к новым обстоятельствам.

Налила вина в бокал.

Сделала несколько глотков: «Нет, не хочется».

Напиться и забыться не удалось, не брало, да и вино было противное. Раньше от витрин с бутылками, на красивых этикетках которых стояли волшебные слова, похожие на заклинания «Чин-за-но», «Мар-ти-ни» на Виту сладостно веяло чем-то романтическим.

Попробовала применить не раз испытанный прием: «Об этом», – как говорила Скарлетт О-Хара, – «я подумаю завтра». Но проверенное средство на этот раз не подействовало.

Вита с детства очень любила читать, причем не с компьютерного монитора. Раскрыть новенькую, пахнущую еще типографской краской, недавно купленную книгу, для нее было особенным удовольствием. Взяла с полки томик любимой в последнее время француженки Анны Гавальда, недавнее свое приобретение, но чтение не захватило, как раньше, не помогло отвлечься от горьких мыслей. Захлопнув книгу, Вита бесцельно покружила по квартире.

В комнате сына включила компьютер, нашла нужный сайт, прочла: «Ученые обнаружили поразительные факты – по сохранившимся останкам динозавров выяснилось, что доисторические гиганты тоже нередко страдали от онкологии. Так, например, у одного из скелетов были обнаружены следы метастаз. Симптомы этого заболевания у людей были известны ещё пять тысяч лет назад. Точно известно, что с онкологией сталкивались жители древнего Египта. Это удалось выяснить благодаря тому, что тела умерших мумифицировались – и современные учёные могут досконально изучать внутренние органы египтян, исследуя вскрытые гробницы. Упоминания о разного рода неизлечимых заболеваниях, которые сопровождаются появлением опухолей в разных областях организма, встречаются в медицинских трактатах Индии, древнего Китая, Вавилона. При этом учёные определили, что такое заболевание, как рак, в ходе эволюции не претерпело практически никаких изменений. Часть учёных и современных медиков винят в его появлении разные канцерогены, другие списывают проблему на экологию, третьи – приверженцы теории стрессовой природы онкологии. Причём о причинах развития подобной патологии до сих пор ничего доподлинно не известно», – познавательно, но не утешительно. Вита выключила компьютер.

Из аквариума на нее внимательно и, как ей показалось сочувственно, смотрели две большие мраморные скалярии.

«Откуда они уже все знают?», – подумала Вита, – «Да теперь уж все равно».

Она легла на диван лицом к спинке и безутешно заплакала.

С этого дня порядок ее мира был нарушен. Началась другая жизнь. Встал вопрос: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты нам дана?». За – чем? За чтоооо?

На следующий день, проснувшись рано утром, не сразу вспомнила вчерашние события, а когда вспомнила, с надеждой подумала: «Может это был сон? Конечно сон! Просто яркий сон, бывают такие, когда переживаешь увиденное, как в реальной жизни!»

И вдруг поняла: «Нет, не сон»

«Но этого ведь не может быть?!»

«Значит, может!».

Экстрасенс

Как и большинство представительниц слабого пола, особой последовательностью Вита не отличалась, поэтому решила отправиться к знакомой, экстрасенсу с прекрасным именем Ева. Интересно, это настоящее имя или творческий псевдоним? Вита всегда слегка комплексовала по поводу собственного имени.

Надоели вопросы: «А полное имя как?».

Да, никак! Угораздило же родителей выбрать такое имечко.

Хотя в свете последних событий перевод с латыни пожалуй обнадеживал, ведь «вита» означает жизнь.

Подходя к облезлой блочной пятиэтажке, в которой жила Ева, Вита решила, что не будет ничего ей рассказывать, посмотрим, сумеет ли экстрасенс самостоятельно понять, что происходит в ее жизни. Пусть-ка поработает.

Войдя в квартиру, Вита осмотрелась, она уже бывала здесь раньше. Тогда ее поразила бедная обстановка, обшарпанные обои, потрепанная мебель, яркие глянцевые плакаты на стенах, как в общежитии. А вот Ева ей понравилась. Еще в первый раз, когда Вита пришла просто из любопытства, молодая женщина произвела сильное впечатление. Высокая, стройная, с длинными прямыми темными волосами. Красивая и умная – для женщины редкое сочетание к сожалению. Не было в ее внешности ничего от Гингемы или Бастинды. Правильная речь без малейшего акцента. Манера поведения сдержанная, интеллигентная. В комнате никакой пафосной, профессиональной атрибутики. Лишь зажженная свеча – на шатком столике. Говорили в тот раз больше о проблемах Евы. Не с кем видимо ей было поговорить, и она откровенно рассказывала о себе. Так бывает, когда делишься сокровенным со случайным попутчи-

ком в вагоне поезда, понимая, что вряд ли увидишься с ним снова. Хорошо, если повезет и попадется человек умный, понимающий.

Ева недавно приехала из Украины, замужем, ей двадцать шесть, муж моложе на несколько лет. Окончила высшую школу парапсихологии. Вита удивилась, раньше думала, что такие учебные заведения существуют только в книгах про Гарри Поттера.

«Учиться было скучно», – рассказывала Ева, – «потому, что многое знала от бабушки. Я – потомственная ясновидящая и ведовством занимаюсь с детства».

Ева рассказывала о магии, как о чем-то обычном, само собой разумеющемся.

Нельзя сказать, чтобы Вита верила каждому слову и слушала, простодушно открыв рот, но интерес ко всему таинственному глубоко сидит в природе каждого человека. Любая тайна делает нас любопытными. Полное отрицание и запрещение эзотерики, астрологии, экстрасенсорных воздействий и вообще всего, что не укладывается в материалистическую картину мира со стороны советской власти долгие годы вызывало у людей противоположную реакцию – повышенный интерес ко всякой мистике и чертовщине. Не смотря на запреты, в народ просачивались крупицы сведений об аномальных явлениях.

Давно, еще в 80-х Вита случайно попала на показ фильма о таинственных «хирургах без скальпеля», или хилерах, живущих на Филиппинах. Знакомая пригласила. Зал был полным, буквально, яблоку негде было упасть. Фильм предваряла короткая лекция о необычных людях и явлениях. Собственно это был и не фильм вовсе, а немонтированные съемки, где оператор зафиксировал на пленку манипуляции хилера. Первой пациенткой была немолодая темнокожая женщина. Хилер быстрыми короткими движениями вытаскивал у нее из груди небольшие шишки, при этом кровь едва струилась. Лицо женщины было спокойным, не отражало ни боли, ни даже дискомфорта. Затем на стол легла другая женщина, тоже темнокожая, с пупочной грыжей. Указательный палец хилера после небольшого массирования вдруг легко вошел в ее живот, как в тесто. Пошла кровь, но совсем немного, и хилер выковырнул оттуда небольшой кусок мяса. Затем стал энергично поглаживать это место, как бы стягивая, смазал каким-то маслом, и женщина спокойно встала со стола. На ее лице не было ни тени страдания или страха. Потом шли кадры об операции на глазе. Другой врачеватель точным движением ввел под веко темнокожего молодого мужчины огромный нож и выковырнул кусочек чего-то лишнего, а пациент и глазом не моргнул. Следом шли кадры телекинеза. За столом сидела полноватая, средних лет черноволосая белая женщина и, напряженно глядя на спичечный коробок, передвигала его по столу усилием воли. Несмотря на то, что озвучки не было совершенно, кадры произвели на Виту сильнейшее впечатление, но уже на следующий день фильм показывать прекратили, хотя желающих посмотреть его было очень много.

В «перестройку», как только удалось легализовать свою деятельность, из всех щелей полезли экстрасенсы и предсказатели, маги и колдуны, ведьмы и контактеры с инопланетным разумом, а также «народные целители». Газетные полосы запестрели объявлениями: «Светозара – потомственная колдунья», «Белый маг Арладор снимет порчу», «Ясновидящая Бэлла предскажет судьбу». На несколько сотен тысяч шарлатанов возможно приходится один-два действительно одаренных человека, и может быть, Ева была одной из немногих.

На этот раз Вита вошла в преображенную квартиру, с неплохим ремонтом, в комнате стояли новенькая стенка, диван.

«Видимо дела у экстрасенса идут неплохо», – подумала Вита.

Ева и сама изменилась, модная стрижка очень шла ей. Разговор не клеился, поговорили о том, о сем.

Ева вдруг сказала: «Я почему-то вижу операционную, вижу руки хирурга, скальпель, операцию делают вам? ...».

Вита призналась, что пришла узнать, чем закончится история ее болезни.

Ева внимательно всмотрелась куда-то позади Виты и выдала результат.

«Все закончится хорошо, но до «хеппи энда» долгое время будет очень трудно. У вас сильный ангел-хранитель», – сказала она, – «но сильный ангел-хранитель дается высшими силами только тому, кому он действительно необходим. Нет ничего случайного в мире. Наверняка, у вас не простая и не легкая жизнь. Ни что не дается вам на блюдечке с золотой каемочкой. Всего, наверное, приходится добиваться самой?»

«Ну, да», – Вита не могла не согласиться с ней.

И еще Ева объяснила, что с точки зрения эзотерики, рак – это и не болезнь вовсе, это нерешенная, тяжелая проблема, чье-нибудь злое проклятье или проглоченная жестокая обида. Она даже показала, как проглоченная: «Ам, и все!».

«В организме каждого человека присутствуют раковые клетки, но они, как будто спят в ожидании сигнала», – сказала Ева.

«Что же могло стать будильником у меня, что запустило реактор?», – размышляла Вита по дороге домой.

За плечами большАя или бОльшая, оба удара здесь равноправны, часть жизни, есть что вспомнить. Биография – это набор фактов, а факты это кусочки судьбы, как в детском калейдоскопе складывающиеся в отдельные картины жизни. Сейчас картина сложилась не самая радужная.

Наверное каждый, кому поставлен диагноз «онкология», остается один на один со своим горем. И если бы кто-нибудь мог знать, как много сил требуется, чтобы не утратить контроль над собой и никого не грузить своей проблемой, о которой забыть невозможно ни на минуту. Даже родные люди оказываются «по ту сторону» болезни. Об этом не говорят вслух, но человек сначала начинает умирать от страха и обреченности, а не от болезни.

«Почему это происходит именно со мной?», – часто спрашивала себя Вита и сама давала ответ: «А почему бы и не со мной?».

Каждое утро, просыпаясь, Вита вспоминала о страшном диагнозе, а в течение дня старалась его забыть. «Не жизнь, а казнь», – теперь часто думала она.

Фильмотека

Давным – давно, как ей теперь казалось, лет сто тому назад, а точнее в начале семидесятых Вита пришла на первую серьезную работу.

Все предыдущие попытки заработать были обречены на провал. Во время учебы Вита подрабатывала почтальоном, но разносить телеграммы было небезопасно. Неизвестно, кто может оказаться за очередной открывшейся дверью. Да и платили на почте копейки. Интересной была работа на Промкомбинате. Там, в просторном цеху, за большими столами сидели работницы и специальными электрическими приборчиками выжигали на гладко отшлифованных, чудесно пахнущих, деревянных досках картинки на темы местных достопримечательностей. Затем покрывали их лаком и сушили в специальных сушильных камерах. Но Промкомбинат также стал недолгим ее поприщем. А таскать за собой старый пылесос со сломанным колесиком, по длинному коридору, застеленному красной пыльной ковровой дорожкой, убирая один из этажей мэрии, было настолько тяжело и скучно, что даже вспоминать об этом не хотелось.

Первый день в фильмотеке Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, вопреки ожиданиям, принес массу разочарований. Рабочие помещения приземистого одноэтажного здания фильмотеки с толстыми кирпичными стенами не впечатляли на эффективный творческий труд. Большую их часть занимали склады с огромным количеством стеллажей от пола до потолка, на полках которых размещались стопы плоских, круглых банок с фильмами. Стеллажи стояли рядами, и были пронумерованы и обозначены буквами в соответствии с каталогом, как в библиотеке.

В меньшей – располагались монтажные, заставленные специальными столами с подсветкой, двумя крутящимися металлическими дисками, ручкой и моторчиком.

Здесь же находился и кабинет фильмотекарей. В фильмотеке хранили и проверяли перед телевизионным эфиром, смотанные в большие рулоны тридцати пяти миллиметровые перфорированные киноленты с художественными, мультипликационными, документальными фильмами. Их аккуратно перематывали, проверяя на просвет на наличие разрывов и потертостей. Разрывы заклеивали скотчем с помощью специального пресса, а легкие потертости реставрировали ацетоном.

Коллектив оказался исключительно женским. Всего здесь прилежно трудилось пять сотрудниц: три монтажницы и два фильмотекаря.

Ознакомить Виту с профессиональными обязанностями вызвалась монтажница Клавдия Васильевна. Это была дамочка лет сорока – сорока пяти, маленького роста, пухленькая, миловидная, с румяными щечками. Очень доброжелательная на первый взгляд. Широкий выпуклый зад ее так сильно «отклячивался» назад, что Вите захотелось сесть на него верхом и посмотреть, как долго можно проехать, не свалившись.

«Жена военного и мать двоих детей», – церемонно отрекомендовалась Клавдия Васильевна.

Как оказалось, сильно выпивавший муж ее служил в армии прапорщиком. Пожалуй, в личном плане она здесь являлась самой благополучной.

Посвящая Виту в тайны профессионального мастерства, Клавдия Васильевна попутно по секрету сообщила все самые свежие сплетни и слухи. Она являлась здесь чем-то вроде местной живой газеты. Вездесущей и везде сующей свой нос. Обычно сплетни всеми осуждаются, но кто не без греха? Вита сплетни не любила, но сориентироваться в новой для нее обстановке, было полезно.

Позвякивая в кармане связкой ключей, в дверях появилась заведующая фильмотекой Валя Батанова, худая, высокая, нестарая еще, крашеная блондинка, с прокуренным лицом и незажженной сигаретой в желтоватых пальцах. Курить в фильмотеке строго воспрещалось. Приходилось выходить на улицу, где Валя сильно мерзла и во множестве одежек, беспорядочно натянутых одна на другую, напоминала потрепанный кочан капусты. Весь облик заведующей выражал перманентное уныние.

По информации, почерпнутой все у той же Клавдии Васильевны, Валя была не замужем, состояла в интимных отношениях со всеми желающими на ГТРК, была не дура выпить, а сигарету просто не выпускала из рук.

Сегодня она привела на работу пятилетнюю дочку. Увидев ребенка, Клавдия Васильевна немедленно почувствовала себя великим педагогом, кем-то вроде Макаренко, Сухомлинского и Песталоцци вкупе.

«Чья это такая симпатичная маленькая девочка?», – засюсюкала она.

«А какое твое собачье дело?», – незамедлительно парировало милое дитя.

«Бойкая она у меня», – с улыбкой прокомментировала диалог Валя.

В помещении находилась еще одна монтажница – Надя Крошутинская. Полноватая, натуральная блондинка, с довольно симпатичным, с мелкими чертами личиком. Сидя за монтажным столом, она внимательно проверяла киноплёнку. Надя приветливо улыбнулась Вите, обнаружив следы ярко-розовой помады не только на губах, но и на зубах.

Вита уже знала, что Надя замужем никогда не была, одиноко растила дочь, обретенную в единственном весьма недолгом романе с одним из женатых сотрудников. Невзрачный мужичонка, после каждой ссоры с женой приходил к Надежде, обещая остаться навсегда. Она словно оживала, начиная светиться от счастья.

Но пожив у Нади пару недель, он возвращался домой. В эти счастливые две недели Надежда преображалась. Надевала самые красивые наряды, записывала рецепты вкусных праздничных блюд. История периодически повторялась по заранее известному всем действующим лицам сценарию. Если же все шло не как обычно, и лысый Казанов задерживался у Нади, то жена его «женщина строгая, но справедливая» приходила за ним и уводила домой. Соппротивление было бесполезно.

Дальше, в кабинете фильмотекарей за письменным столом что-то увлеченно читала Раиса Ивановна. Дама весьма зрелого возраста, ей наверняка уже было прилично за пятьдесят. Она небрежно взглянула на Виту и углубилась в чтение далее. Не увидела ничего интересного, наверное.

«Пожалуй, Раиса Ивановна – самый колоритный персонаж», – отметила про себя Вита, – «Как иногда пишут в старых романах: со следами былой, знойной красоты на лице».

Красоту, правда, сильно портили топорщившиеся на верхней губе редкие, но жесткие на вид, черные усы.

Позже, когда Вита уже «влилась» в коллектив, Раиса Ивановна, пребывая в хорошем настроении, пускалась в воспоминания о тревожной молодости, но вдруг спохватившись, замолкала в самых интересных местах своей бурной биографии. Прошрое ее было плотно окутано флером таинственности. Она выдавала себя то за армянку, то за еврейку, то за цыганку по мере надобности. Раису Ивановну отличали умение найти во всем выгоду и пылкий темперамент. Эмоциональную выразительность речи Раисы Ивановны усиливали частые включения ненормативной лексики. Владела она ею виртуозно и использовала удивительно метко и смешно. Не ругалась матом, а говорила на языке. Жила она с горячо любимой дочерью в превосходной трехкомнатной полногабаритной квартире в центре города. Тогда такие квартиры были наперечет. Обладала прекрасной, хорошо подобранной библиотекой.

Художественные книги тогда были в жутком дефиците. Причем, издалека советские книжные магазины казались битком набитыми книгами. Но при ближайшем рассмотрении вся эта «литература» была никому ненужным агитационным хламом. Кто покупал эту макулатуру? Тайна, покрытая мраком неизвестности. А классическая литература, фантастика, детективы, исторические романы на полках книжных магазинов не лежали, их покупали «из-под полы» втридорога. В этой сфере торговли, как, впрочем, и в других, правил бал его величество Черный рынок. В целях снижения книжного дефицита, конечно, принимались некоторые меры. Например, книги обменивали на макулатуру. Советские книголюбы, конечно, не ходили в книжный магазин с пачками старых газет под мышкой и не меняли их на тома Чехова, Толстого или Пушкина. Для приёма макулатуры существовали специальные приёмные пункты. Каждый гражданин мог сдать там любое количество макулатуры и получал талончики с надписью: «1 кг», «5 кг», «10 кг». С талончиками простой советский книголюб шел в книжный магазин, и там приобретал какую-нибудь дефицитную книгу. Только вот макулатуры где же наберешь столько, сколько требовалось, чтобы утолить книжный голод. Вита как-то собрала дома и сдала килограмма три старых подписных журналов. На них ей разрешили купить две книги: «Асканио» Александра Дюма и «Признания Мегрэ» Жоржа Сименона в скромных сереньких обложках.

Другой способ получения дефицитных книг – подписка. Советские книголюбцы подписывались на какие-нибудь многотомные издания и потом в течение двух-трех лет их постепенно получали. У некоторых дома все шкафы были забиты БСЭ, МСЭ, ЖЗЛ и собраниями сочинений Пушкина, Гоголя, Лескова, Дюма, Стендаля и томами других вождов. Были и такие «книголюбцы», которые выбирали подписки по цвету. Корешки книг подбирались к интерьеру, в тон обоев или обивки мебели.

«Надо подписываться на собрание сочинений Толстого, обложки книг зеленого цвета идеально подойдут к портъерам», – как-то услышала Вита, стоя в очереди в книжном магазине. Такой вот эстетический пароксизм.

Но подписаться на вождовенные сборники было не просто. Для этого надо было стоять в очередях ночами. За подписками на собрания сочинений создавались километровые очереди. Отмечаться, в них приходилось по много раз. Надо было уметь ориентироваться, где,

когда, в какое время и что дают. Вот тут-то на передний план выходили такие люди как Раиса Ивановна. Она знала все ходы и выходы, всех продавцов и завмагов в лицо, выстаивала ночные очереди, что-то на что-то обменивала, например Пушкина на Чехова, Дюма на Майн Рида. Естественно не безвозмездно. Раиса Ивановна на работе слыла очень начитанным человеком, на ее рабочем столе всегда лежал раскрытый томик. Правда Вите показалось, что книга была одна и та же и раскрыта всегда на одном и том же месте.

Фильмотека представляла собой крошечное государство, типа суверенного Ватикана. Здесь существовала своя собственная иерархия. Должность заведующей фильмотекой занимала Валя Батанова, но главной, неформальным лидером, несомненно, была Раиса Ивановна. Как известно, короля играет свита. Она же диктует и правила игры на своем поле. Совершенно нормальным считались «стук» начальству друг на друга, и безвкусное «перемывание косточек» той, что во время разговора отсутствовала. Каждая не любила всех остальных так же, как все остальные каждую. Просто так, без причины.

Да, еще имела место шестая сотрудница, монтажница Тамара, но ее Вита так никогда не увидела, сначала она была на больничном, а впоследствии умерла от рака, как поняла Вита из испуганного перешептывания коллег.

Серые трудовые будни скудно украшали разговоры о нехитрой еде, кто, что вчера готовил дома, о мужиках – козлах и о тряпках, которые каждая создавала, как могла, кто вязал, кто шил, иногда прямо на рабочем месте в свободное от нудных профессиональных обязанностей время.

Невероятно умелые люди жили тогда в Стране Советов. С самого детства все готовились многое делать своими руками. В школе на уроках труда девочки учились вязать, шить, варить. Мальчики привыкали держать в руках стамеску с рубанком, строили скамеечки и табуреты. В моде был образ «девушки с веслом», которая слона на скаку остановит и хобот ему оторвет и в горящую избу войдет с этим хоботом вместо брандсбойта. Ценились рукастые молодые люди, умеющие доставать, тащить в дом, ремонтировать все подряд.

Вечером по дороге с работы домой заходили в продуктовые магазины, где ищущий съестного взгляд неизменно наткнется на унылые батареи консервных банок с «Завтраком туриста». Хотелось бы посмотреть, как далеко ушагал несчастный турист, отдававший такого завтрака. Рядом с этим широко известным продуктовым советским брендом стояли пакеты с серыми макаронами, трехлитровые банки с березовым соком и несъедобными зелеными консервированными помидорами. Большая часть витрин с надписями «Молоко», «Мясо», «Колбасы», «Сыры» хронически пустовала. Легче было голову сломать, чем придумать, что бы такое вкусненькое приготовить на ужин из подсолнечного масла и картошки.

Приходилось, конечно, рассматривать красочно оформленные поваренные книги сталинского времени, сохранившиеся еще кое у кого, но рецепты были уже непонятными по причине отсутствия большей части ингредиентов.

Читали в классических произведениях описания пиров, как в «Евгении Онегине», например:

«...Пред ним roast-beef окровавленный,

И трюфли, роскошь юных лет,

Французской кухни лучший цвет,

И Страсбурга пирог нетленный

Меж сыром лимбургским живым

И ананасом золотым.

Еще бокалов жажда просит

Залить горячий жир котлет...».

Но из пушкинского меню знакомым и понятным являлось только одно слово: последнее. Смутно догадывались, конечно, что котлеты пушкинской эпохи не имеют ничего общего с астеничными изделиями не понятно из чего изваянными в рабочей столовке.

Как-то утром, придя на работу, Клавдия Васильевна рассказала, что сын прочел в какой-то книге слово «окорок» и спросил у родителей: «А что такое окорок?», сделав ударение на втором слоге. Все дружно смеялись, предположив, что если и дальше так пойдет, то внуки спросят, что такое мясо, также сделав ударение на втором слоге. Но редкая искорка общего веселья за утренней сигареткой на улице за углом фильмотечного здания потухла так же быстро, как и возникла.

Не детская загадка тех лет: длинный, зеленый, пахнет колбасой, что это? Это утренний поезд из Ленинграда. По пятницам жители Петровска дружно отправлялись в северную столицу, чтобы купить там все, что только подвернется, в том числе и пресловутую вареную колбасу.

Нашествия алчных провинциалов у столичных жителей понимания не находили. Сытый голодному, как известно, никогда не был товарищем. В одни загребущие руки продавцы выдавали только по полкило колбасы или сыра, не больше. Иногда из конца очереди брали на прокат детей для того, чтобы взять продуктов побольше. Иногда шли на самую изощренную хитрость: купили, постояли на улице, покурили и снова зашли, предусмотрительно заняв очередь заранее. И все эти ухищрения ради вареной колбасы и сыра без названия? Просто сыра и колбасы, поскольку никто и не мечтал о разных сортах этих продуктов.

Вита в пятницу вечером садилась в поезд в Петровске, рано утром выходила на перрон в Ленинграде. День субботы посвящался покупкам, а отоварившись, с огромными сумками, буквально отрывавшими руки, вечером отбывала в родной город. Мужчины посильнее сдавали баулы в камеру хранения, ночевали на вокзале или у знакомых, весь день воскресенья опять покупали. Вечером воскресного дня садились в поезд, чтобы рано утром в понедельник высадиться на вокзале в родном городе, привезя колбасу, сыр, сухое печенье «Мария», килограммов десять или двадцать гречневой, манной и перловой крупы, сухое печенье «Мария», шоколадные конфеты производства фабрики имени Бабаева, майонез в пол-литровых стеклянных банках, туалетную бумагу и еще много всякой всячины.

«Блатники» покупали такие же продукты и выносили их с черного хода.

Советская элита получала качественные продукты в специальных распределителях.

А рядовые граждане ломались по выходным в очередях столичных городов, приезжая в пахнущих колбасой поездах.

Кстати зеленый поезд – это не метафора, вагоны поезда № 17 «Петрозаводск – Ленинград» на самом деле были выкрашены в темно-зеленый цвет.

За картошкой стояли в очереди по несколько часов, а она мелкая и наполовину гнилая, а выбирать нельзя.

«А это я куда дену?», – резонно спрашивает продавец про гниль.

И не спорили ведь, и правда, куда же она это денет? А если бы даже вдруг и возникло желание поспорить, то пятнадцать усталых человек, стоящих в очереди сзади быстро убедили бы не выпендриваться, а брать, что дают.

Молочный магазин находился недалеко, буквально через дорогу от дома Виты, и ее обязанностью было сдавать пустую стеклянную тару и покупать свежее молоко каждый день рано утром, еще когда она училась в школе во вторую смену. Днем молочных продуктов уже могло и не быть. В виде поощрения за труды мама разрешала Вите иногда покупать пачку шоколадного, невероятно вкусного масла. Пока шла из магазина, Вита умудрялась слопать полпачки холодненького, как мороженое, лакомства просто так без хлеба.

С молоком и молочными продуктами вообще анекдотичные ситуации происходили. Как-то покупатели на прилавке нашли записку продавщицы, адресованную ее сменщице: «Маша, молоко и сметану не разбавляй, я уже разбавила».

А еще молоко, кефир и сливки продавались в стеклянных бутылках. Пустые бутылки можно было сдать обратно – по пятнадцать копеек за штуку, в чистом виде. Перед сдачей Вита их мыла ершиком. Если же горлышко оказывалось со сколом, бутылку не принимали. Для различения товара использовались крышки из фольги разных цветов. Серебряная – на молоке. Зеленая – на кефире. Ярко-розовая – на сливках.

«В очередь, сукины дети!»

С промтоварами происходило примерно та же история. В семидесятых-восемидесятых во всех отделах промтоварных магазинов присутствовал скучный, не модный ширпотреб. Приобрести красивую вещь, да еще и соответствующего размера – непозволительная роскошь тех лет. На полках обувных отделов громоздилась уродливая и неуклюжая обувь фабрики «Скороход», в которой скоро возникали только мозоли. Для стабильного получения плановой прибыли работники советской торговли придумали «выбрасывать дефицит» в конце каждого месяца. Народ приноровился ходить за дефицитом в последние два-три дня месяца. В эти дни в промтоварных магазинах Петровска образовывалась жуткая давка за бельем из ГДР, сапогами и рубашками из Венгрии, джинсами из Индии, лифчиками из Чехословакии и косметикой из Польши.

Очереди в Советском Союзе были самой яркой приметой времени. Тогда стояли буквально за всем: квартирами, продуктами, одеждой, обувью, книгами, мебелью, автомобилями, бытовой техникой, услугами. Они существовали двух видов: реальные и по записи. Видимые по несколько часов за продуктами питания, одеждой, обувью и невидимые по несколько лет за бесплатным государственным жильем, местом в детском саду, автомобилем.

В такие очереди по записи приходилось регулярно приезжать и отмечаться, как за книгами. Если кто-то не смог вовремя подъехать и отметить, его радостно удаляли из списка. Часто возникали дикие скандалы и жестокие потасовки. Нормальным явлением была спекуляция местом в очереди. Выходные дни граждане СССР посвящали тому, чтобы стоять в очереди за чем-либо. Если удавалось что-то добыть, время считалось потраченным не зря. На очереди рядовые советские граждане тратили не только личное, но и рабочее время. Иногда целые организации и учреждения мгновенно пустели от вопля: «В овощнухе за углом – апельсины!» или «Девки! Сапоги дают!».

Время в стране отмерялось пятилетками. На них осуществлялось централизованное планирование экономики. По плану выпускалось как можно большее количество. Качество было проблемой потребителя. Браком были даже товары со «знаком качества» по мировым стандартам. Аркадий Райкин, любимец советского народа говорил в одной из своих интермедий: «Качества нет, одно количество!».

На всех всегда всего не хватало. Работники советской торговли смекнули, раз все равно всем всего всегда не хватает, то товар надо убирать «под прилавок».

Товар, который был в магазинах «под прилавком», назывался «дефицитом».

«Ни у кого нет – у тебя есть. Диффсит!», – говорил все тот же Райкин.

«Нужные люди» – это все, кто работал в местах скопления дефицита. В кафе и ресторанах, гастрономах, магазинах одежды, обуви и косметики, продуктовых и промтоварных базах, комиссионках.

«Блат» – популярное советское словечко, означающее знакомство с «нужным человеком». «Нужный человек» «по благу» доставал «дефицит». По спекулятивной цене, разумеется. Такая вот формула успеха.

Помните «Блондинку за углом»? Советский художественный фильм режиссёра Владимира Бортко. В фильме очень точно показаны два образа жизни советского общества времён брежневского застоя. С одной стороны – убогая жизнь простых граждан учителей, врачей, инженеров, ученых. С другой – обилие материальных благ у тех, кто имеет к ним доступ. Разумеется, не совсем в ладу с законом жили эти люди. Даже тост появился в их среде на злобу дня: «Выпьем за то, чтобы у нас все было, но нам за это ничего не было!».

Жизнь советского человека была постоянно наполнена яркими красками и интересными событиями. Простые советские граждане в будни с боем брали по утрам переполненные автобусы, опаздывая на работу. Они тряслись в выходные в зеленом поезде за колбасой. В пятницу вечером ехали в электричках и доверху набитых автобусах на дачу. Летний отпуск проводили стоя «пятой точкой» вверх на шести сотках. Как же без домашних заготовок-то зимой! Добывали дефицит. «Дружили» с нужными людьми. Охотились на рынках за дичью – синей курицей. «Птицей счастья завтрашнего дня». Простой советский человек всегда знал, что если из какого-нибудь магазина торчит хвост очереди – надо пристраиваться. Потому что там что-то нужное дают. Дефицитом было абсолютно все необходимое для нормальной жизни. Сетка авоська была с собой у каждого. Авось что-то подвернется.

Класс номенклатуры жил в особом мире. Это называлось «прикрепление к спецраспределителям, спецполликлиникам и другим спец...». Они могли купить вещи, которых в

широкой продаже вообще никогда не было. По пословице «по Сеньке и шапка» можно было безошибочно определить социальный статус мужчин. Если на голове пыжик или норка, то это те самые из спецразряда, остальные в лучшем случае довольствовались кроликом или овчиной. Чем выше ранг, тем шире число всего, что можно получить в распределителях.

В народе говорили, что лозунг «Все на благо человека» правильный, добавляя, – «и я видел этого человека, в телевизоре конечно».

Даже имело место мнение, что неэффективное хозяйствование и низкий уровень потребления были вызваны искусственно. Удобно держать народ в «черном теле» и управлять через распределение дефицита. Свободного времени, чтобы подумать о жизни не остается, мысли у народа заняты не политикой, а где, что достать, а время – стоянием в очередях.

«Человек человеку – друг, товарищ и брат»

Теперь часто спорят, когда лучше жили до перестройки или после. Скорее всего люди с советским прошлым ностальгируют не по государственному строю, а грустят по прошедшей в те годы молодости.

Несомненно одно, в той, «совковой» жизни, было самое главное, что не купишь ни за какие деньги. Чувство уверенности в завтрашнем дне. Несмотря ни на что, человек человеку действительно был «друг, товарищ и брат». Соседи по лестничной клетке легко заходили друг к другу за спичками и солью, «перехватить десятку» до полочки.

Когда родители Виты купили первый в их двухэтажном, многоквартирном доме телевизор, все соседи приходили по вечерам смотреть кино. Дети усаживались на полу, взрослые приносили с собой табуретки. Ну, конечно это было большим неудобством, но как-то не принято было тогда соседям отказывать. Или могли неожиданно нагрянуть троюродные родственники в гости из провинции, о которых ты и не слышал раньше. И ничего, стелили на пол одеялки, не в гостиницу же людям идти, не было лишних денег на гостиницы.

Первый секретарь КПСС Никита Сергеевич Хрущев, выступая в 1961 году на XXII съезде партии с докладом, заявил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». В документе, который был принят делегатами съезда, указывался и срок завершения «развернутого строительства коммунизма» – двадцать лет.

Вот интересно, как солидные люди в правительстве на полном серьезе могли пообещать построить коммунизм в стране через двадцать лет? Вот – как? Утопия!

Повсюду в городе висели лозунги, утверждавшие: «Мы будем жить при коммунизме!». По самым простым подсчетам коммунизм уже должен бы был в стране наступить. Но мало кто из граждан Советского Союза заблуждался насчет построения коммунизма вообще, а не то, что за двадцать лет, но относились к этому иронически-снисходительно. К трескучим лозунгам типа «Экономика должна быть экономной», «Родине – ударный труд!», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» относились как к неременному рутинному атрибуту жизни. Давно научились не верить лозунгам.

На демонстрациях, а они проходили два раза в год 1 мая и 7 ноября, искренне радовались праздникам. Вита и ее одноклассники с утра собирались у школы, учителя выдавали мальчикам транспаранты, флаги, лозунги, а девочкам картонных голубей и пышные цветы из

гофрированной розовой бумаги на палочках-держалках, все выстраивались в колонны и очень медленно с долгими остановками шли до центральной площади.

По площади мимо трибун проходили довольно быстро, дружно выкрикивая «ура», а с трибун, демонстрантов приветствовали руководители КПСС, представители власти, передовики производства, ветераны, почетные граждане, и на этом демонстрация заканчивалась, расходились по домам праздновать дальше уже за столом или шли в гости.

По телевизору демонстрации смотреть было интереснее, организованные колонны трудящихся шествовали по центральным улицам городов и посёлков, полыхающих красным цветом, под марши и музыку политической направленности.

Весной в городе повсюду проходили субботники. С самого утра весь дом и взрослые и дети выходили на уборку близлежащей территории двора. Предприятию, организации, институту, школе выделялся земельный участок, который необходимо было привести в порядок, убрать мусор, посадить деревья. Рабочие убирали территории заводов. Школьники занимались уборкой вокруг школы. Студенты – вузов. Совместный бесплатный труд ради общего блага реально сближал людей, особенно за столом после субботника, после «сброса».

Бывали конечно и некрасивые истории, но без плохого не бывает хорошего.

Так в недрах фильмохранилища Вите пришлось пережить первую в трудовой биографии производственную драму. Дело было так.

Раиса Ивановна, в обязанности, которой входила проверка перед эфиром ракордов с опознавательными надписями о фильмах, в один не самый прекрасный день перепутала серии мультфильмов. Одно из многосерийных приключений двух неприятных рисованных уродцев Лелека и Болека. Мало актуальный плод кинематографического искусства одной из дружественных социалистических стран. Вместо объявленной в программе, в эфир пошла другая серия мультлика.

Вероятно, никто из зрителей бы этого и не заметил. Тем более что мультик шел без перевода на русский язык. Но порядки тогда были строгие, испугавшись, что за такой промах ее выпрут с работы, Раиса Ивановна, недолго думая, тайком поменяла и переклеила конечные ракорды.

Якобы «ошибку» она свалила на Виту. Склейки получились грубые, непрофессиональные и Вита сразу поняла, что сделала их не монтажница. Таким образом, методом дедукции исключались монтажницы Клавдия Васильевна и Надежда. Валя Батанова в этот день отдыхала. Оставалась Раиса Ивановна.

Но она выдавала такие виртуозные соло фальцетом, обвиняя Виту в халатном отношении к работе и убеждая всех в своей невинности, что даже Вита чуть было не поверила ей.

Впервые в жизни столкнувшись с таким вероломством, человек, не закаленный еще в межличностных производственных отношениях, Вита получила не слабый шок. Административное расследование результатов не дало. Вита была оклеветана, без вины виновата, да еще и лишилась месячной премии.

Но, как известно, все тайное становится явным. Спустя некоторое время, случилось так, что Клавдия Васильевна подслушала, совершенно случайно конечно, телефонную беседу Раисы Ивановны с приятельницей. Телефоны в фильмотеке были смежными. В беседе Раиса Ивановна делилась подробностями своего злодеяния. Не могла, видимо, больше держать свой секрет в тайне.

Как говорят психоаналитики: «Вы хотите поговорить об этом?».

Видимо она очень хотела. Содеянное быстро стало достоянием широкой общественности. Поднялась вторая волна скандала. Виту оправдали. Раису Ивановну подвергли строгому порицанию в устной форме, но не уволили.

Вскоре Виту перевели работать в кинокомплекс. В общем, все что ни случается – к лучшему, только понимаем мы это не сразу, а спустя какое-то время.

Кинокомплекс

Кинокомплекс – недавно возведенная, двухэтажная, ярко-красная кирпичная коробка без архитектурных излишеств, располагался слева от основного здания – студии телевидения.

В целом телестудия представляет собой большой комплекс творческих и производственных подразделений, включающий редакции политического, экономического, художественного, детского, молодежного и музыкального вещания, осветительные и звуковые цеха, съёмочные группы, цеха операторской техники, склады для хранения реквизита и многое другое.

Надо заметить, что все строения Комитета по телевидению и радиовещанию: телебашня, релейка, студия телевидения, дом радио, фильмотека, кинокомплекс, гараж располагались на окраине города в очень живописном месте. В теплые солнечные дни сотрудники высыпали на природу в обеденный перерыв или в свободное от работы время, чтобы отдохнуть, поболтать, посидеть на лавочке, позагорать на солнышке, сыграть в волейбол. Самые перегревшиеся умудрялись даже сбегать выкупаться на речку. А один звукорежиссер по фамилии Гуляев собирал на территории грибы, похожие на поганки и утверждал, что при правильном приготовлении они вполне себе съедобные. Приглашал коллег на ужин, но никто так и не отважился отведать его экстремальной кулинарной экзотики.

Телепрограмм в Советском Союзе было всего две, и по одной из них несколько часов в день вещало местное телевидение. В кинокомплексе происходили процессы обработки узкой, шестнадцати миллиметровой киноплёнки, на которую в то время снимались передачи, новости, фильмы. Здесь осуществлялись все процессы кинопроизводства от первоначального замысла до непосредственного показа готового творения его величеству Художественному совету.

Первый этаж занимали кинооператоры, проявка, механики, фотографы, осветители. Жизнь была здесь ключом! По коридорам сновали люди. Из курилки клубами вываливался дым. Кто-то отправлялся в командировку, кто-то прибывал. Кинооператоры проверяли камеры. Осветители проносили софиты. Озабоченно пробегали проявщицы в темно-синих рабочих халатиках. На каждый фильм или сюжет затрачивались сотни метров киноплёнки. Плёнка не только была дорогая, но еще и требовала довольно долгой обработки в проявочных

машинах специальными химическими составами, прежде чем кто-либо мог увидеть результат съемок.

В целом, все происходящее, сильно напоминало мультфильм Федора Хитрука «Фильм, фильм, фильм...». Правдивую и веселую историю о том, что остается за кадром при создании кино, и чего зритель обычно не видит.

На втором, более чинном этаже находились два кинозала, цех звукозаписи, монтажные, бухгалтерия, кабинеты администрации.

Людей здесь было очень много, также как и профессий. В кинокомплексе Вите было гораздо интереснее, да и народ оказался не таким «душным». Стало понятно, что кинопроизводство требует привлечения в процесс огромного количества людей, больших временных и не малых материальных затрат.

Освоить монтаж немых, то есть, озвучиваемых диктором в прямом эфире сюжетов для «Новостей дня», оказалось делом не трудным и очень интересным. Самой же сложной была работа с негативом. По первой, рабочей, позитивной копии, «заезженной» в процессе монтажа, тщательно, по номерам планов собиралась копия из «негатива» и фильм печатался без царапин и других механических повреждений, чистенький «с иголки». Обычно, так «ваяли» многометражные очерки или представительские фильмы. В творческом коллективе их называли «нетленкой». Ежедневной же работой был монтаж сюжетов для «Новостей дня» и цикловых передач, типа «Сводки с полей», «Зовут стройки пятилетки», «Мы – коммунисты», которых в то время выходило в эфир множество.

Съемочная группа, состояла из режиссера, кинооператора, звукооператора, осветителя, ведущего программы или редактора, и конечно водителя. В таком составе бригада выезжала на объект съемок. Кинооператором производились съемки на киноплёнку, а звукооператором записывался звук на магнитную ленту. Задача монтажниц состояла в синхронизации звука и видеоряда в интервью и монтаже «картинок» – выбранных планов для иллюстрации закадровых комментариев ведущего.

Поначалу Вите киномонтаж казался магией. Из беспорядочных обрывков пленки в процессе монтажа как по волшебству возникали логичные картины жизни – сюжеты. Естественно, существуют определенные законы монтажа, которые необходимо знать, например, нельзя совмещать планы одной крупности или начинать сюжет с крупного плана. Для того чтобы смонтировать сюжет, монтажница должна скомпоновать беспорядочные и несвязные куски в одно целое. Сопоставить фрагменты в логической последовательности. Так ребенок составляет из кубиков с буквами целое слово. В общем, может быть и не магия, но своего рода искусство. Трудились монтажницы за специальными монтажными столами, оснащенными софитами, мониторами, приборами, воспроизводящими изображение и звук – последним чудом техники того времени, одетые, как врачи, в белые халаты.

В кинокомплексе Вите присвоили третий разряд и слегка повысили зарплату. Первая скромная трудовая победа! Ликованию ее не было предела. Жизнь налаживается!

«Профессий много, но прекрасней всех – кино! Кто в этот мир попал, навеки счастлив стал!».

Действующие лица

Замечательный коллектив: четыре монтажницы и киномеханик, три Лены, Галя и Вита, неразлучные на работе и в часы досуга сложился довольно быстро.

Почти сразу после Виты в кинокомплексе появилась гидропиритовая блондинка, маленького роста, некрасивая, но очень обаятельная Галя Погодина, в прошлом воспитатель в детском саду. Напористая и подвижная как ртуть. Она уже была замужем и вместе с мужем Колей воспитывала сына Дениса. Проживали они в крошечной комнатухе двухкомнатной «хрущевки» родителей мужа. Муж Коля не походил на обычного работягу. Небольшого роста, в стильных очках, длинноволосый, он был фанатом музыкальных групп «Битлз» и «Машина времени». Довольно много читал. Симбиоз рабочего и интеллигента, «два в одном», как теперь говорят, Коля представлял собой отдельное событие жизни. Слесарь на железной дороге, очень хорошо зарабатывающий и почти не пьющий – случай для «эпохи застолья» далеко не рядовой.

Вскоре после Гали пришла большеглазая, светленькая, очень хорошенькая, Леночка Иванова, тоже в прошлом воспитатель в детском саду. Спокойная, даже немного заторможенная. Она состояла в браке с Костиком. Жили они в отдельной двухкомнатной полублагоустроенной квартире, что тогда было большой редкостью. Не полублагоустроенная квартира, конечно, была редкостью, а молодая небогатая семья, проживающая самостоятельно в отдельной квартире. Они увлекались сложной зарубежной музыкой. Точнее самозабвенно увлекался Костик, а Леночка поддерживала его дорогостоящее хобби, отказывая себе во всем самом необходимом. На последние деньги у фарцовщиков они покупали необыкновенно красивые альбомы с пластинками группы «Пинк Флойд». В магазине «Мелодия» такие пластинки тогда не продавались. Слушали композиции со странными названиями «Животные», «Стена», «Жаль, что вы не здесь», «Темная сторона Луны».

Еще немногочисленные тогда обладатели телевизоров в Советском Союзе, конечно, имели возможность любоваться на голубых экранах такими замечательными певцами, как Кобзон, Лещенко, Зыкина, Чепрага или вокально-инструментальными ансамблями. Но певцы и музыканты почти неподвижно стояли на сцене в одинаковых строгих костюмах с каменными лицами, исполняя утвержденные строгой цензурой музыкальные произведения на фоне скучных декораций. Поздно ночью можно было увидеть обрывки яркой западной жизни. Эстонскую группу «Апельсин», например. Прибалтика тогда была маленькой заграницей.

Почему именно Леночка и Костик, а не Лена и Костя или Елена и Константин, объясняет следующая история. Однажды Леночка со смехом рассказала, как к ним в квартиру позвонила страховая агент, и, увидев Леночку и Костика, в одинаковых, спортивных костюмах, открывших дверь, спросила: «А взрослые дома есть?».

О Лене Кирхонен Вита услышала случайно из разговора двух помрежей.

«Эта Кирхонен ходит ведь и не здоровается, представляешь. И где только ее воспитывали?», – говорила одна другой.

«Я ей сделала замечание, отвечает, что не знакома еще ни с кем, не представили ей, понимаешь ли, никого. Можно подумать эта леди местного разлива до сих пор вращалась в высшем лондонском свете», – ответила другая.

Как оказалось, воспитана Лена была хорошо, английской чопорностью не страдала. Плотненькая, щекастенькая, бровастенькая. Симпатичная, одним словом. Она приехала из Якутии, где жила с родителями в небольшом городке Мирный, алмазной «столице» России. Ее родители, геологи по профессии, попали на дальний север по распределению, после окончания вуза, привыкли к суровым местным условиям, хорошей северной зарплате, обжились, обзавелись детьми и остались там навсегда.

Лена отправилась в Петровск, чтобы заочно учиться в университете и работать. Место работы долго выбирать не пришлось. На ГТРК в редакциях радио и телевидения финского национального вещания прилежно трудилось множество ее родственниц. Такой уж дружный народ финны.

Лена жила с бабушкой и дедушкой в их небольшом частном домике в пригороде Петровска и тратила на поездки на работу и обратно по полтора часа в каждую сторону. История умалчивает, в какой из этих часов она заметила высокого мужественного блондина Андрея Лебедева, водителя «гармошки» – желтого двухвагонного «Икаруса», рейсового автобуса номер четыре. Спустя некоторое время Лена уже немножко беременная стала Лебедевой и переехала в четырехкомнатную квартиру, населенную большой не очень дружной семьей. В этой «вороньей слободке» жили бабушка Андрея, его родители, брат и жена брата с двумя детьми. Скоро Лена родила мальчика Кирилла, а еще через три года девочку Катю.

Единственная не монтажница, а киномеханик – Лена Фишер, внешне напоминала девушек эпохи Возрождения. Если бы Леонардо да Винчи увидел Лену, а не Джоконду, то это ее портретами любовались бы мы теперь. Просто Леонардо и Лена разошлись во времени.

Лена жила с мамой и сестрой. Папа ее благополучно эмигрировал на историческую родину в Израиль, где и радовался жизни в Иерусалиме неподалеку от Стены плача с новой семьей.

Своего будущего мужа Лена встретила на работе. Игорь Марков, щедро одаренный природой человек, удивлял разнообразием своих талантов. Он легко разбирался в любой технике, хорошо играл на гитаре. Главным же его дарованием являлся удивительно миролюбивый характер. По профессии Игорь был звукооператором. Хорошие внешние данные, красивый голос и правильная речь позволили ему поработать диктором на телевидении. Но, по – видимому, только этих качеств было недостаточно, поэтому что-то там «не срослось».

Он Увидел Лену на Новогоднем вечере. А «Увидел» с большой буквы, потому, что до этого вечера Игорь видел ее часто. Они были хорошо знакомы, пересекались по работе и общались. Как-то по-новому, наверное, увидел, а затем прямо на глазах удивленной публики родилась большая любовь.

За романтическими отношениями Игоря и Лены доброжелательно наблюдали почти все сотрудники, за исключением пары-тройки завистливых старых дев. А один из кинооператоров, учившийся заочно во ВГИКе, даже свою курсовую работу, короткометражный фильм со спецэффектами посвятил истории их любви.

Свадьбу Лены и Игоря отпраздновали широко, в самом модном ресторане города. Вита была свидетелем со стороны невесты. Со стороны жениха свидетелем стал одноклассник и школьный друг Игоря Павел или, как его ласково называли друзья, Палец.

После ЗАГСа, вместо традиционного возложения цветов к Вечному огню молодые и свидетели вчетвером отправились в Парк культуры и отдыха. Прокатились на всех аттракционах, хохотали и веселились, как дети. Затем не торопясь, через старый парк пришли в ресторан. Он неподалеку находился, там у входа молодых уже ждали гости. Дети Марковых не заставили себя долго ждать, сначала появился сын Саша, на три года позже дочка Тоша. Забегая вперед, стоит сказать, что из всей компании это единственная пара, впоследствии отпраздновавшая серебряную свадьбу. Может быть, только этот брак был заключен на небесах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.